

— Франкенштейн!

Вдруг Фан Сынуна бесцеремонно дернули назад, увлекая за собой. Прямо над ухом громыхнул резкий, властный выкрик.

Это был голос Юй Цюся. Он выкрикнул имя по-английски. Удивительно, но говорил он негромко, однако звук, точно порожденный эхом в древнем склепе, прокатился под потолком с какой-то всесокрушающей, неодолимой силой.

Фан Сынул своими глазами видел, как лицо Ху Бая мгновенно окаменело, словно кто-то нажал на паузу посреди кадра.

В следующую секунду Юй Цюся увлек его за собой. Они кубарем выкатились из-под кровати с противоположной стороны. Одежда тут же пропиталась липкой кровью, но сейчас было не до брезгливости. Выбравшись на свет, Фан Сынул огляделся и замер: Ху Бай так и остался лежать ничком на матрасе, нелепо отключив зад, а у его колен лежал плотный сверток из ярко-алого полотенца. Внутри угадывались очертания младенца.

Нет, младенцем это существо назвать не повернулся бы язык — скорее, маленьким чудовищем. Формой тела оно походило на новорожденного, но черты лица у него были дико искажены, а бледную кожу усеивали синяки, напоминающие причудливые бутоны цветов.

Оно не плакало и не издавало ни звука. Завернутый в махровую ткань уродец посасывал собственный крошечный пальчик, уставившись на прищельца ледяным, осмысленным взглядом.

В глазах твари, смещенных куда-то к вискам, в этот миг явственно читалось выражение, пугающе похожее на человеческое.

У Фан Сынуна внутри все похолодело от ужаса, но вскрикнуть он не решился. С трудом отведя взгляд от жуткого существа, он в панике заозирался в поисках Юй Цюся и оцепенел: тот стоял у письменного стола под окном и уже уверенно поворачивал оконную задвижку.

В эту секунду Фан Сынул едва не лишился рассудка от страха. Жуткая смерть Старого безумца до сих пор стояла у него перед глазами. Он не мог, просто не смел представить, что случится с ним, если Юй Цюся сейчас разорвет на части у него на глазах...

«Зачем? Зачем он это делает?! Его кто-то контролирует? С чего вдруг он решил открыть это проклятое окно?!»

«Нет! Нет! Только не это!»

В его голове бушевал беззвучный, отчаянный вопль, но мысли текли в ином измерении,

нежели стремительно уходящие секунды. Время беспощадно истекало.

В то самое мгновение, когда он с безумным рывком бросился вперед и мертвой хваткой обхватил Юй Цюся, створки распахнулись.

И ничего не произошло.

Юй Цюся обернулся. Встретив его дикий, ошалелый от ужаса взгляд, он на мгновение опешил, но быстро пришел в себя. Ладонь Юй Цюся мягко скользнула по щеке Фан Сынуна, успокаивающе сжала его пальцы, после чего он кивком указал на открытый проем: лезь наружу.

Фан Сынул судорожно сжал его запястье, безмолвно умоляя взглядом: «А как же ты?»

Юй Цюся ласково потрепал его за мочку уха и легонько подтолкнул к раме. Фан Сынул послушно перемахнул через подоконник и сразу же развернулся лицом к окну. Из темноты комнаты Юй Цюся протянул ему что-то круглое и тяжелое.

Приняв груз, Фан Сынул едва не вскрикнул от накатившего омерзения.

В его руках лежал тот самый маленький монстр.

К счастью, уже в следующий миг Юй Цюся сам легко оперся о подоконник и выпрыгнул наружу. Он быстро притянул створки окна, подобрал обломок кирпича и плотно прижал его к раме, блокируя задвижку. Перехватив у окаменевшего друга мерзкого младенца, Юй Цюся бесшумной тенью метнулся к главному входу в общежитие. Непонятно откуда достав связку ключей, он одним движением отпер тяжелую дверь, вытолкнул Фан Сынуна на улицу, захлопнул замок и увлек его за собой вниз по каменистому склону.

Когда они отбежали от проклятого здания на пару сотен метров, Фан Сынул все еще не мог прийти в себя. Он хватал ртом воздух, боясь издать лишний звук, но тут Юй Цюся на бегу глухо бросил:

— В полицию.

Темп они взяли сумасшедший. Фан Сынул, чье здоровье за последние годы из-за вечного недосыпа и беспорядочного образа жизни изрядно пошатнулось, быстро выдохся. Легкие разрывало от жгучей боли, сердце колотилось в горле — он выжимал из себя последние силы.

Вдруг Юй Цюся, бежавший шагах в трех впереди, неуловимо притормозил и пропустил его вперед. Голос его прозвучал над самым ухом Фан Сынуна, подгоняя и не давая упасть:

— Беги! Не смей останавливаться!

А следом донесся странный гул.

То был не обычный ветер — не естественное движение воздушных масс, вызванное разницей атмосферного давления. Нет... это был резкий, свистящий звук, какой издает нечто немыслимо быстрое, со свистом рассекающее ночной воздух. Оно приближалось.

Животный страх тисками сжал его грудь, выдавливая из изнемогающего тела последние крохи резервной энергии. Стиснув зубы, Фан Сынун мчался вперед, не разбирая дороги, пока во рту не появился явственный, металлический привкус крови.

Наконец впереди, сквозь пелену слез и пота, он разглядел заветный свет. Полицейский участок!

До спасительного крыльца оставалось от силы метров четыреста по прямой.

— Юй Цюся! Мы почти при...

Голос оборвался.

Он замер как вкопанный всего в двухстах метрах от залитых неоном окон.

Вопреки ожиданиям, когти чудовища не сомкнулись на его затылке. Фан Сынун простоял неподвижно несколько секунд, шумно, с хрипом втягивая воздух, а затем медленно, преодолевая сковавшую суставы дрожь, повернулся назад.

Слезы хлынули из глаз сами собой, мгновенно ослепляя.

Позади простиралась лишь пустая, темная дорога. Никого.

«Как же так? — в смятении думал он. — Где мы разошлись?»

«Нет, бред какой-то. Когда умирал Старый безумец, Юй Цюся мчался быстрее ветра, его и след простыл. Он физически не мог отстать... Не мог оказаться позади меня!»

«Он сделал это нарочно... Прикрыл меня!»

«Да нет, зачем ему...»

«Не верю. Такого просто быть не может...»

«Этого не случится...»

Сквозь бешеный стук собственного сердца и сиплый свист в легких Фан Сынуна накрыла удушливая, черная волна безысходности. Этот ужас был сильнее страха смерти. В один миг весь смысл бороться испарился.

Он развернулся и бросился обратно в темноту.

Но не успел он сделать и пары шагов, как сбоку мелькнула белая тень. Крепкая рука мертвой хваткой вцепилась ему в воротник, заставив пошатнуться.

— Ты что творишь?! — раздался над ухом запыхавшийся голос Юй Цюся. — Беги, живо!

В первую секунду он принял это за слуховой обман, за порождение воспаленного ума, но уже в следующее мгновение ноги сами понесли его вслед за другом.

Спустя полминуты они ворвались в полицейский участок. Когда их окутал стерильный белый свет холла, Фан Сынун наконец смог сделать полноценный вдох. Истерзанное, готовое разорваться от дикой перегрузки сердце забилось спокойнее. Силы мгновенно оставили его: колени подогнулись, и он мешком повалился на пол.

Юй Цюся даже не обернулся на него. Чеканя шаг, он подошел к дежурному за стойкой и ровным голосом произнес:

— Я хочу сделать заявление.

Юй Цюся кратко изложил суть дела: в старой бетонной многоэтажке лежит труп, полиции необходимо срочно выехать на место. Дежурный офицер, однако, энтузиазма не проявил. Ссылаясь на острую нехватку людей в ночную смену, он велел им сесть и подождать, пока на службу не заступит дневной наряд.

Через пять минут их провели в тусклый коридор с жесткими стульями.

Едва дежурный скрылся из виду, Юй Цюся помрачнел. Окинув спутника тяжелым, темным взглядом, он глухо спросил:

— И куда это ты собрался бежать?

Фан Сынун не нашел сил для нормального ответа. Он лишь неотрывно смотрел на Юй Цюся,

без конца повторяя дрожащими губами:

— Ты напугал меня... Как же ты меня напугал...

Юй Цюся долго всматривался в его бледное лицо. Видя, как сильно бьет Фан Сынуна неумная дрожь, он лишь тяжело вздохнул и отвернулся, оставив свои расспросы.

— Ты меня до смерти напугал, — вновь прошептал Фан Сынун.

С самого момента, как они переступили порог участка, он безостановочно оглядывал Юй Цюся с ног до головы. Лишь когда пелена страха сошла и он окончательно убедился, что его спутник цел и невредим, Фан Сынун наконец ощутил, как ноет каждая мышца. Он слишком давно не устраивал своему телу таких встрясок. Внутренности словно перемешались, а в горле стоял густой солоноватый привкус.

Фан Сынун судорожно согнулся, уперев локти в колени, и с силой потер ладонями лицо, стараясь выдать эту позу за обычную усталость, а не за спазмы в скрученном болью животе.

— Я подумал... — хрипло выдавил он, — подумал, что ты ради меня...

— Сдохну ради тебя? Много на себя берешь, радость моя, — фыркнул Юй Цюся. Он одарил его быстрым взглядом — жестоким, прямолинейным, но полным скрытой, дразнящей нежности. — Не надейся. Если я когда-нибудь и решу умереть, то исключительно ради самого себя.

— Ты не умрешь, — тихо, но упрямо возразил Фан Сынун.

— Хватит тебе, Фан Сынун, — Юй Цюся скользнул взглядом по его бледному профилю и вдруг заговорщически улыбнулся.

Казалось, в его голове мелькнуло какое-то забавное воспоминание, или же его просто забавлял столь искренний, мученический вид друга.

— Тебе ведь отлично известно, что я в любом случае сдохну раньше тебя, — добавил он беспечно. — Так что сотри эту страдальческую мину с лица.

Боль в животе вспыхнула с новой силой, заставив Фан Сынуна судорожно втянуть сквозь зубы холодный воздух. И все же он упрямо повторил:

— Ты не умрешь.

Юй Цюся промолчал, вновь погрузившись в свои думы.

Они сидели в тишине минут десять. Когда режущая боль в желудке наконец утихла, Фан Сынун смог разложить по полочкам все, что произошло в заброшенном общежитии.

— И все-таки... как ты решился открыть то окно? — негромко спросил он.

Поскольку дело касалось выживания и законов этого безумного мира, Юй Цюся отбросил иронию и ответил со всей серьезностью:

— Помнишь, я разбирал подсказку: «С наступлением темноты не открывай дверь; если же дверь распахнута, не смей открывать окно»? Это не одно общее правило, а два самостоятельных. Первое запрещает открывать двери ночью. Второе налагает вето на окна при открытых дверях. В нашей ситуации на улице уже стояла ночь, поэтому дверь мы трогать не смели. Но раз она была закрыта на все замки, то распахнуть окно нам ничто не мешало.

— И все равно... — Фан Сынун поежился от запоздалого страха. — Это был всего лишь твой домысел.

— В нашей ситуации порой не остается ничего другого, кроме как верить своей интуиции и уповать на слепую удачу.

Фан Сынун задумчиво кивнул. Немного помолчав, он задал следующий вопрос:

— А Франкенштейн? Ты с самого начала знал, какую пьесу мы разыгрываем?

— Были подозрения, но полной уверенности не хватало, — признался Юй Цюся. — Но теперь все встало на свои места.

Чтобы не растягивать расспросы, Юй Цюся решил выдать всю информацию разом. Раздражение из-за глупого порыва Фана Сынуна вернуться в лапы чудовища окончательно улетучилось, сменившись легким удовлетворением от того, как сильно тот за него испугался. Спешить им было некуда — впереди оставалась еще целая вечность холодной ночи.

— Ты ведь знаком с историей Франкенштейна? — спросил он.

— Знаю первоисточник и некоторые образы из массовой культуры, — отозвался Фан Сынун.

В подростковом возрасте Фан Сынун читал запоем все подряд. Как-то раз на уличном развале он наткнулся на бродячего торговца, который продавал книги буквально на вес — по юаню за полкило. Фан тогда закупил целую гору макулатуры килограммов под тридцать и вечерами напролет читал их все без разбора. Среди тех потрепанных, пахнущих сыростью томов как раз и затесался ветхий экземпляр великого романа Мэри Шелли.

Эта книга считается основоположницей жанра научной фантастики. В ней рассказывается история молодого естествоиспытателя Виктора Франкенштейна, который в погоне за научным прорывом сумел создать живое существо из фрагментов мертвых тел. Однако триумф обернулся кошмаром: оживленный гигант оказался настолько уродлив, что создатель в панике бросил его на произвол судьбы в первую же секунду его существования.

Отвергнутый создателем монстр скитался в полном одиночестве, пытаясь постичь человеческую природу и найти свое место под солнцем. Но пройдя через мучительный путь познания, он осознал, что люди никогда не примут его уродство. Горькое разочарование быстро переросло в слепую, испепеляющую ненависть к своему творцу.

Запустилась цепочка трагических событий, обернувшаяся кошмаром для них обоих. Франкенштейн шел по следу своего творения, пытаясь исправить роковую ошибку, и в конце концов настиг чудовище среди бескрайних льдов Арктики, где и умер от крайнего истощения. Оставшись в полном одиночестве и узнав о смерти создателя, монстр добровольно обрек себя на изгнание. Он ушел в безмолвную полярную пустыню, навсегда исчезнув из мира людей.

<http://bllate.org/book/20607/2162662>